

Жара за окном автомобиля пробивалась сквозь стекло, обжигая правую щеку Цзян Инъюя. Ему стало невыносимо жарко, и он потянул за штору, но обнаружил, что человек сзади крепко спал, прижав ее к себе, и не смог сдвинуть ее ни на сантиметр.

Погода стояла невероятно жаркая, и это легко выводило людей из себя, особенно когда автобус был битком набит пассажирами.

Цзян Инъюю хотя бы повезло иметь место, иначе он бы совсем вышел из себя.

Чемодан у его ног уже несколько раз кто-то пинал, и черный цвет только способствовал тому, чтобы следы от обуви были особенно заметны. Половина чемодана была покрыта отпечатками подошв. Этот человек, должно быть, был настоящим прыгуном?

На этом маршруте было не меньше тридцати остановок, и Цзян Инъюю уже насчитал двадцать две. Каждая остановка казалась бесконечно долгой, и автобус еле плелся, не приближаясь к пункту назначения.

Скрип!

Со всеми пассажирами, которые, как колосья под ветром, наклонились вперед, и с запахом, в котором смешались пот и духи, они наконец добрались до двадцать третьей остановки. Цзян Инъюю задержал дыхание, высунул голову в окно, чтобы глотнуть свежего воздуха, и тут же вернул ее обратно. Солнце снаружи было просто убийственным.

Хотя автобус остановился, никто не выходил, и, что хуже всего, с задней двери втиснулось еще несколько человек, от чего Цзян Инъюю стало казаться, что он сейчас задохнется.

— Эй! Посторонитесь, посторонитесь... Кто-нибудь встаньте, здесь раненый, разве вы не знаете, что помогать пострадавшим — это обязанность каждого?!

Толпа медленно, как улитки, начала расступаться, и, наконец, Цзян Инъюю увидел того самого раненого. Это была женщина лет тридцати, с мягкими чертами лица, но девушка, которая ее поддерживала, смотрела так, словно готова была убить любого, кто не уступит место. Не успел Цзян Инъюю пару раз моргнуть, как их взгляды встретились.

Цзян Инъюю огляделся, посмотрел назад и снова на девушку, которая, не церемонясь, сказала:

— Да, это ты, красавчик. Уступи место! На улице жара, а у моей сестры голова вся в бинтах. Сделай одолжение.

Цзян Инъюю встал, уступил место, взял чемодан в одну руку, а другой ухватился за поручень, все еще не осознавая, что произошло.

— Спасибо, красавчик!

Девушка больше ничего не сказала, а женщина с перевязанной головой повернулась к нему и поблагодарила. Цзян Инъюю подавил внезапно нахлынувшее раздражение, сжал губы и кивнул.

Цзян Инъюю уставился на затылок девушки, затем взглянул на женщину, сидящую на его теперь уже горячем сиденье, и, увидев ее голову, удивился. Сколько же крови! Ей, наверное, проломили череп!

«Кто же мог так жестоко поступить с женщиной?!»

«Эх, нынешнее общество!»

Выйдя из автобуса, Цзян Иньюй постоял с чемоданом, открыл зонтик и достал телефон, чтобы проверить маршрут, но результат его ошеломил.

«Не работает?»

«Не может быть!»

«Что это за глушь такая?!»

В автобусе, хоть и работал кондиционер, все равно было жарко, но сейчас Цзян Иньюй по-настоящему почувствовал, что такое палящая жара, которая могла сварить заживо. И он, дурак, еще и черный зонтик открыл, разве он не знал, что черный цвет притягивает тепло?!

Цзян Иньюй ругал себя, но зонтик не закрыл. Раз навигация не работает, остается только позвонить.

— Дзз... дзз... дзз... — Звонок длился, казалось, целую вечность, прежде чем кто-то ответил. Это была пожилая женщина. — Кто это? Кто? Говорите!

«Дайте мне хотя бы шанс заговорить!»

Старушка продолжала кричать «Алло!», и Цзян Иньюй, держа телефон на расстоянии от уха, быстро вставил:

— Это я, Цзян Иньюй!

— А? Что? Кто? Что вы сказали? Я не расслышала, — старушка закричала еще громче, будто это у нее, а не у него, были проблемы со слухом.

Цзян Иньюй нахмурился, посмотрел на телефон, затем на людей, вышедших с ним на одной остановке, и крикнул в ответ:

— Я говорю, я Цзян Иньюй, ваш внук!

«Ладно, лицо я уже потерял дома, теперь нечего бояться опозориться!»

Пока Цзян Иньюй говорил по телефону, кто-то внезапно обнял его сзади, и не просто обнял, но и толкнул его в зад.

Прежде чем старушка успела ответить, Цзян Иньюй резко развернулся и сбросил нападавшего на землю.

— Блин, как же горячо!.. — Тот, упав, тут же вскочил, хлопая себя по спине и крича.

Цзян Иньюй поднял упавший зонтик и с недобрый взглядом уставился на двоих перед ним.

Один из них был ростом около 170 см, но весил, наверное, килограммов 80.

Жир на теле толстяка трясся при каждом его движении, и в такую жару вид этой массы мяса вызывал отвращение.

Рядом с ним стоял другой, одетый в какую-то школьную форму, и их взгляды встретились, в глазах вспыхнули искры, которые Цзян Иньюй не мог объяснить.

В голове Цзян Иньюй вдруг возникла картина: пустыня, песчаная буря, два героя стоят друг против друга в смертельной схватке, напряжение нарастает, битва вот-вот начнется...

Когда толстяк наконец перестал трястись, герой заговорил:

— Извините, мы здесь, чтобы встретить человека, а вы одеты слишком похоже, так что...

«То есть они просто перепутали, и на этом все?»

Цзян Иньюй прищурился. Солнце ярко светило в лицо героя, потные пряди волн застряли в дужках очков, и это зрелище вызвало еще большее раздражение. Цзян Иньюй вдруг захотел отодвинуть эти пряди, чтобы лоб мог дышать.

... — Цзян Иньюй отмахнулся от странного чувства и медленно произнес. — Перепутали? А зачем он тогда толкал меня? Это отвратительно!

Услышав это, толстяк нахмурился и закричал:

— Мы же сказали, что перепутали! Ты чего прицепился?

— Тогда давай так, толкни его в ответ, — герой кивнул в сторону толстяка. — Повернись, пусть толкнет.

...

Цзян Иньюй замер, глядя, как толстяк действительно послушно повернулся, подставив ему зад. Он никак не ожидал, что герой так легко пойдет на это, и не знал, как реагировать.

— Что? Не хочешь? Тогда мы уходим? — Герой не сделал ни одного движения, но Цзян Иньюй уже проиграл...

Услышав это, толстяк с торжествующим видом повернулся к окаменевшему Цзян Иньюю, его выражение лица было просто невыносимым.

«Иногда нужно действовать, когда противник меньше всего ожидает...»

Цзян Иньюй сунул телефон в карман, сложил зонтик и бросил его в толстяка, а сам устремился к герою, нанося удар...

Ведь именно этот герой был главной причиной его гнева.

Ань Шэн широко раскрыл глаза, глядя на бегущего к нему юношу, словно в замедленной съемке. Гнев в глазах и кулак, летящий в него...

Щелк!

Ань Шэн сжал кулак, раздался резкий звук.

Бум!

Ань Шэн оказался на земле под Цзян Иньюем, и теперь он почувствовал, насколько раскален

асфальт после целого дня на солнце. Можно было бы прямо тут приготовить яичницу.

Бок Цзян Инъюя болел от того, что его держали, он кричал, лежа на Ань Шэне:

— Ты что, ребенок?! Ты вообще умеешь драться?

«За все свои годы драк он никогда не видел, чтобы кто-то дрался, хватая за кожу и не отпуская.»

«Ох, как же больно!»

— Отпусти! — Цзян Инъюй скрипя зубами сказал.

— Не отпущу! — Ань Шэн, стиснув зубы от удара в живот, ответил.

Этот парень бил так сильно, что у него голова кружилась, и его тошнило.

Они замерли в противостоянии, а толстяк, опомнившись, бросился на Цзян Инъюя, который, не ожидая такого, все еще держал Ань Шэна за горло.

— Не... — Ань Шэн, видя, как толстяк собирается на него обрушиться, попытался предупредить, но было уже поздно...

Цзян Инъюй, оказавшись под толстяком, ударился губами о губы Ань Шэна, и ему стало так больно, что он не был уверен, целы ли его передние зубы.

Толстяк еще и повернулся, смеясь:

— Ха-ха... Ну как, приятно? Думал, я просто так жиром оброс? Задавлю тебя, сопляк...

Оба, оказавшиеся под ним, чуть не подавились от ярости.

<http://bllate.org/book/16784/1543365>